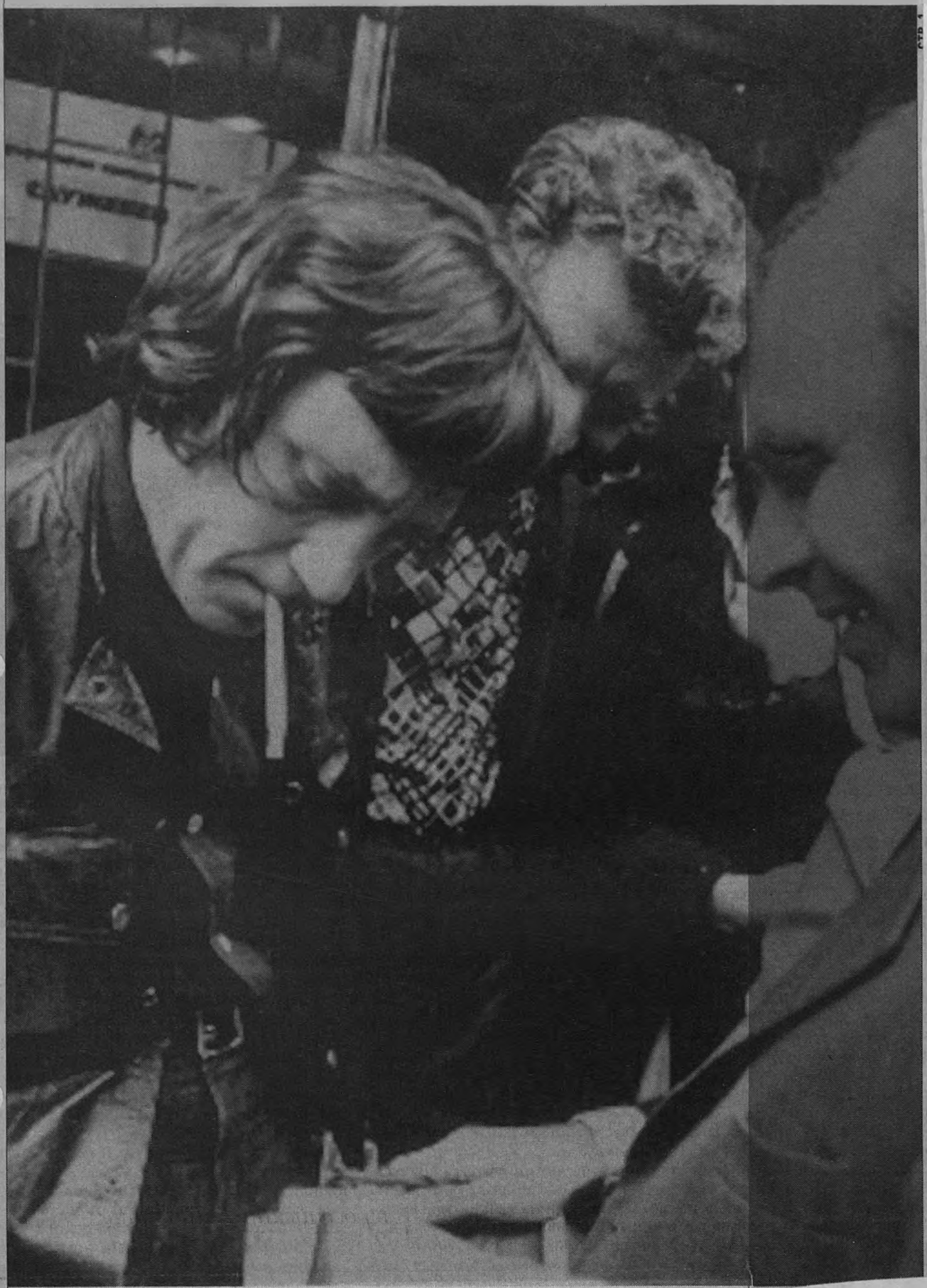

«В ПЬЯНОМ СОСТОЯНИИ ОН БРОСАЛСЯ НА МЕНЯ С КУЛАКАМИ»

Исполнилось 24 года со дня смерти Владимира Высоцкого. О легендарном поэте и актере вспоминает специальный корреспондент «Известий» МЭЛОР СТУРУА.

«ДАНТЕС, НЕ УБИВШИЙ ПУШКИНА»

Когда он был трезв, мы говорили о поэзии. В пьяном состоянии он бросался на меня с кулаками. В его отуманенном алкоголем мозгу я каким-то фантастическим образом превращался в подобие Анатолия Курагина из «Войны и мира», пытающегося обольстить и похитить у князя Андрея Наташу Ростову. В роли князя Андрея Володе мерещились его друзья, за женами или подругами которых я, якобы, ухаживал. И он вступался за их честь, как Пьер Безухов.

Несмотря на спортивную форму и постоянную напряженность — он всегда был натянут, как струна своей гитары, — Володя был явно не в моей весовой категории. Поэтому я лишь отпихивал наскакивавшего на меня петухом великого барда, пока друзья или собутыльники не разводили нас. Последняя такая стычка произошла в ресторане Дома кино в Москве. Я подошел к столику, за которым сидел Высоцкий, поздоровался с мужчинами и расцеловал женщин. Когда я возвращался к своему столику, кто-то буквально вскочил мне на плечи. Я обернулся. Это был Володя. Мы находились в равном удалении от его и моего столиков, поэтому ни мои, ни его друзья не успели вмешаться. Мне пришлось крепко схватить Высоцкого за запястья и парализовать его очередной «безуховский порыв». Мы тяжело дышали друг другу в лицо.

— Володя, — сказал я, — если бы не страх, что меня окрестят Дантесом, убившим Пушкина, я бы дал тебе взбучку, которую ты давно заслужил.

В искаженном злобой лице Володи произошло какое-то мгновенное изменение: его осветила добрая улыбка. Вырвавшись из моих тисков, Володя вновь полез ко мне, но уже обниматься.

— Дантес, не убивший Пушкина! — орал Высоцкий...

С тех пор этот «павловско-безуховский рефлекс» в отношении меня у Высоцкого исчез. Он больше не наскакивал на меня даже тогда, когда какой-нибудь Наташе Ростовской и впрямь грозило умыкание.

Высоцкому льстило, что я видел в нем прежде всего поэта с пером и бумагой, а лишь затем барда с гитарой. У него есть стихи, в которых поэтической и душевной энергетики больше, чем в тысячах строк англофильствующего Бродского или кривляющегося Вознесенского. После выхода первой книги стихов Высоцкого Женя Евтушенко великодушно хвалил ее, но «давал понять», что автор все-таки бард, а не поэт. Не думаю, что Женя не понял поэзии Высоцкого. Он, скорее, испугался ее. Высоцкий не был куплетистом. Он был непревзойденным мастером русского стиха, обогатившим его возможности, как никто после Маяковского и Пастернака. И тем не менее, несмотря на все его новации, его поэтическая «груша» оставалась по-пушкински сочной и зримой, а не треугольной, как у Вознесенского.

«НИКУЛИН УВЕРЕННО

КРУТИЛ БАРАНКУ,

ВЫСОЦКИЙ УВЕРЕННО СПАЛ»

Как-то кинорежиссер Александр Митта пригласил меня с женой к себе в гости. Кроме нас, у него были Никулин и Высоцкий. Высоцкий был не в духе, находясь в очередной ссоре с Мариной Влади. Он даже не дотрагивался до гитары, да мы, шепетильные, и не упрашивали его. Зато Никулин был в ударе, сыпал анекдотами. Пытаясь подзадорить Володю и вывести его из штопора, я задал ему провокационный вопрос:

— А кто из вас более популярен — ты или Никулин?

Вопрос задел Высоцкого за живое. Он уже был в сильном подпитии. Никулин, подхвативший мою игру, тоже стал подзадоривать Володю.

Разошлись под утро. Пьяную компанию развозил по домам на своей «Волге» Никулин, хотя и был трезв не больше нашего. Как-то вновь возник спор о популярности.

— А вот ты на такое способен? — спросил сидевший за рулем Никулин Высоцкого, втиснутого между нами на заднем сиденье.

С этими словами великий русский клоун догнал на своей «Волге» машину ГАИ и стал подталкивать ее бампером. От такой наглости хмель сошел с нас.

— Ты что — оупел?! — вскрикнул я.

Офицер ГАИ, кажется капитан, вышел из машины и подошел к нам. Он был скорее удивлен «безумством храбрых», чем взбешен. Никулин опустил стекло и дышал на капитана водочным перегаром. Мы затаили дыхание. Капитан, как полагается, взял под козырек и только-только начал произносить стандартную фразу «Граждане, вы...», как осекся. Он узнал Никулина, и его грозное лицо стало по-детски счастливым.

— Товарищ Никулин, товарищ Никулин! — закудахтал он, но от душившего его восторга не мог произнести ничего более внятного. (После фильма «Ко мне, Мухтар!» Никулин стал идолом всех милиционеров Советского Союза.)

Наконец капитан достал книжку со штрафными квитанциями и попросил Никулина украсить ее своим автографом. Никулин великодушно согласился.

— Вот везу пьяного Высоцкого домой, — бросил он небрежно, расписываясь в капитанской книжке.

У бедного капитана аж глаза на лоб полезли. Никогда в жизни ему не доводилось видеть этих двух своих идолов так близко, да еще вдвоем! Он просунул голову поглубже в кабину «Волги» и восторженно зашептал:

— Товарищ Высоцкий, товарищ Высоцкий...

Весь дальнейший путь мы ехали по еще пустынной, только-только просыпающейся Москве, почти что как члены Политбюро. Перед никулинской «Волгой» шел автомобиль ГАИ. Сверкала мигалка, редела сирена.

Никулин уверенно крутил баранку, Высоцкий столь же уверенно спал...